

ТРИ ПРОЦЕДУРЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Нормативность процедуры. Поскольку археология — научная дисциплина, главный процесс ее функционирования — научное исследование — должен быть дисциплинированной деятельностью, подчиненной определенным обоснованным правилам. Он расчленен на этапы (или уровни), и организация этих этапов, т. е. их набор и последовательность, или процедура археологического исследования (ПАИ), не произвольна. Нормативную схему ПАИ Д. Кларк именует «моделью археологической процедуры» и представляет как одну из трех составных частей общей теории археологии. И. Рауз называет такую схему «стратегией» археологического и преисторического исследований, допуская отступления от нее как «тактику». Б. К. Суарц излагает эту схему как «логическую последовательность археологических целей», Дж. Фриц и Ф. Плог — как «план», В. С. Бочкарев — как «структуру» археологического исследования¹.

Те части этой схемы, которые удается формализовать, превратить в однозначный ряд предписаний, ведущих к жестко детерминированной цепочке операций, становятся алгоритмом² (Шер, 1970). Однако если внутри многих этапов достичь этой степени строгости не удастся и каждый из таких этапов расчленяется на элементарные действия свободно, то все же соотношения между этапами, воспринимаемыми как цельные блоки, предписываются достаточно строго. Так, В. С. Бочкарев настаивает на том, что «процедура имеет жесткую структуру, не допускающую пропусков уровней или смещения»³.

Тем не менее в практике исследований нормативная схема ПАИ реализуется лишь как тенденция, и отступления от «стратегии» нередко далеко выходят за границы всякой рациональной «тактики». В осуществлении ПАИ царят неразбериха и методическая неряшливость.

Эту ситуацию в науке поддерживают два обстоятельства. Во-первых, схемы ПАИ обычно оказываются скорее директивными, чем нормативными: они выдвигаются теоретиками без серьезного обоснования или только с общефилософским обоснованием, не соотносенным со спецификой археологического материала. Во-вторых, по этому вопросу в представлениях самих теоретиков господствует разнобой: вместо одной нормативной схемы исследователям-практикам предлагается много схем, различающихся как по количеству и составу (набору) этапов, так и по их последовательности.

Все же эти схемы можно сгруппировать, по мнению сторонников «новой археологии», в два главных варианта (их и противоположный), на самом деле — в три. Каждый из этих вариантов изменялся с течением времени, в них вводились новые блоки операций, усложнялись связи между блоками (к однолинейной цепочке добавлялись боковые и — в последнее время — обратные связи). По-разному группировались блоки: то замыкались в рамках одной науки (археологии, или преистории, палеоистории), то вся череда более или менее радикально разбивалась на две части (археологическую и историческую, или социологическую, антропологическую). Но за всеми видоизменениями можно все же различить три главные конфигурации.

Индуктивная процедура. Одна конфигурация сложилась еще в прошлом веке. Это схема, которой следовали, не задумываясь над ее экспликацией, многие ученые — естествоведы и гуманитары, из археологов ее отчетливо сформулировал первым Софус Мюллер. Он так описал порядок археологического исследования: 1) сбор материала; 2) наблюдение (осмотр его); 3) выводы о частностях; 4) обобщения — выводы о правилах (с установлением типов, комбинаций, стилей, культурных групп); 5) подтверждение их подведением под общечеловеческие правила (в частности, подключение к современным); 6) выяснение причин обнаруженных явлений сравнением и заключением по аналогии, выдвижение и проверка гипотез⁴. Конечной целью является познание причинной зависимости; от материала к этой конечной цели ведет исследователь постепенное обобщение, индукция. «Собственным методом археологии является... надежная индукция»⁵.

С различными модификациями эта индуктивная в основе схема излагается у К. Г. Якоб-Фризена (конечная цель — «генеалогия»), Г. Кларка (конечная цель — реконструкция прошлого), И. Мак-Уайта, Д. Кларка (введены обратные связи), Я. А. Шера (выделено в отдельный этап взвешивание признаков), Е. Кураки (методика объединена с техникой исследования), И. Рауза (в трехэтапной процедуре археология познает природу остатков и передает результаты преистории, а уж та в четырехэтапной процедуре выясняет разные вопросы, кончая выяснением причин) и др.⁶

Хотя эта схема логически разработана и гносеологически аргументирована индуктивистами — философами раннего позитивизма, особенно Д. С. Миллем⁷, она была принята археологами разных философских ориентаций, видимо потому, что отражала и логически оформляла некий реальный аспект эмпирических исследований. Этот аспект даже в тех системах, где он не абсолютизируется и не заполняет собой всей сути исследования, все же остается необходимым: индукция присуща эмпирическим исследованиям, и расширение фактов, введение новых фактов в научный оборот способно привести к перестройке старых концепций, послужить толчком к ней. В новой книге И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак и Я. А. Шер представляют все ту же индуктивную схему ПАИ как «схему всякого археологического исследования» и поясняют: «Такая структура присуща сейчас всем хорошим исследованиям, выполнение которых принято характеризовать как фундаментальное. Нет

никаких оснований думать, что в будущем эта структура нарушится, что будет предложен какой-то принципиально новый путь исследования»⁸.

Между тем незачем ждать будущего — индуктивная схема ПАИ не обладает монополией уже сейчас.

Проблемно-установочная процедура. Другая схема процедуры, уже давно утвердившаяся как строгая норма в естественческих исследованиях, на практике в археологии применялась тоже давно, но стихийно, спорадически и нестрого, а в отчетливом виде изложена применительно к археологии впервые в работе У. Тэйлора. У него порядок операций выглядит так: А. Определение проблемы в рамках концепции; В. Работа с материалами: 1) сбор данных, 2) критика их пригодности, 3) анализ, 4) интерпретация (установление техники, назначения и т. п.), 5) описание, 6) подача (в публикациях и т. п.); С. Построение локальных хронологий; D. Синтез по связям в контексте обнаружения; E. Сравнительное изучение культуры в статике и динамике; F. Изучение природы культуры, ее констант, законов, функционирования. По У. Тэйлору, только этапы В и, возможно, С — дело археологии, а далее эстафету принимают историография и этнография (D), этнология (E) и антропология (F)⁹.

Б. К. Суарц следует У. Тэйлору, устанавливая свои этапы: 1. «Подготовка» (сводка прежних исследований и предвидение полевых проблем). 2. «Приобретение» (материалов в поле). 3. «Анализ» (размещение данных в сети времени и пространства). 4. «Интерпретация» (определение технологии и функционирование артефактов). 5—6. «Интеграция» («реконструкция» жизни популяции и «синтез» крупных культурных общностей). 5—6. «Сравнение» (интегрированных данных). 7. «Абстракция» — формулирование законов или принципов¹⁰.

В конкретном исследовании подобную схему строго реализовал Дж. Хилл¹¹.

В советской археологии по схожей, но более сложной схеме был построен курс «Методы историко-археологических исследований»¹². Путь исследователя прослеживался трижды: от наблюдений к гипотезам («логическая эвристика»), от данных к неизвестному («психологическая эвристика») и наиболее подробно — от археологического материала к историческим и социологическим заключениям (специально археологические методы). С постановки проблемы (формулирование задачи) начиналось второе из этих продвижений, с характеристики наблюдений — первое. Поэтому оба этапа не рассматривались при третьем продвижении, и оно начиналось непосредственно с критики источников: 1) внешняя критика, 2) внутренняя критика, 3) описание материала, 4) классификация, 5) выявление связей и расстановка во времени и пространстве, 6) историческая реконструкция, 7) социологическое истолкование.

Преимуществами этой разработки были увязка ПАИ с общенаучными аспектами исследовательского процесса (логическим и психологическим) и введение в советскую археологию выдвинутого Ю. Эггерсом требования внутренней критики источников. Недостатком разработки

было выпадение этапов сбора-отбора материалов из непосредственной археологической линии рассмотрения. Важность этого этапа хорошо показал Л. Бинфорд¹³, а общенаучная характеристика наблюдений не служит адекватной заменой такого разбора, так как не решает специфических проблем археолога. Аналогичная схема В. С. Бочкарева повторяет этот недостаток (усугубляя его отсутствием параллельных линий рассмотрения) и завершает собственно археологическую часть процедуры «выделением фракций и культур». Сомнительно, чтобы можно было перепоручать историку истолкование сходств между культурами и выявление миграций, влияний, автохтонности и т. п., словом, формирование секвенций, в которых протекал культурно-исторический процесс.

Разработанная У. Тэйлором проблемно-установочная схема находит философское обоснование у прагматиста Дж. Дьюи, в его учении о проблемной ситуации¹⁴. Общая прагматическая ориентация «контекстного подхода» У. Тэйлора делает эту схему и даже ее абсолютизацию естественной для него и его последователей. Что же касается археологов с другими философскими убеждениями, то для них эта схема оказалась приемлемой (с некоторыми ограничениями) потому, что она отражает и оформляет реальный и важный аспект исследовательского процесса в археологии: его организованность, возникновение и наличие в нем проблем, а в связи с этим — целенаправленность исследований, по крайней мере многих.

Дедуктивная процедура. Недавно археологам предложена схема процедуры, широко практикуемая в физико-химических науках. По ней исследование начинается с выдвижения гипотезы, из которой дедуцируются ожидания, сопоставимые с материалом, — в сопоставлении и состоит проверка гипотезы. Эта дедуктивная схема ПАИ впервые изложена (хотя и по частям) у Л. Бинфорда в работах 1967—1972 гг.¹⁵ и наиболее ригористично у Дж. Фрица и Ф. Плога. В их статье стержнем процедуры оказывается объяснительная гипотеза, подводящая факт археологии под закон антропологии (так что объяснение извлекается из теории). Перечень этапов ПАИ у них таков: 1) обзаведение гипотезой, 2) выведение из нее ожиданий, 3) разработка плана сбора данных, 4) приобретение данных, 5) анализ данных, преобразующий их так, чтобы они стали пригодными для проверки ожиданий, 6) проверка ожиданий (установление связи между переменными), 7) оценка гипотезы по результатам проверки, оценка объяснения¹⁶.

Этому образцу следуют и другие американские «новые археологи»¹⁷. Принятая ими ориентировка исследования на проверку определенной гипотезы пронизывает весь ход исследования и определяет не только последовательность, но и облик всех его этапов — от сбора материалов («собирать надо только относящиеся к делу данные»)¹⁸ до публикации отчета (с «данными из раскопанного местонахождения, достаточными только для того, чтобы поддержать аргументацию»)¹⁹. «Эта процедура не только правомерна, — пишут «новые археологи», — но и является жизнью науки»²⁰. Конечно, это сугубая абсолютизация — дедуктивная схема становится дедуктивистской.

На сей раз философский источник своих методологических идей четко указывают сами археологи: это гипотезно-дедуктивная схема объяснения К. Поппера — К. Гемпеля — Э. Нагеля²¹, где конкретные факты объясняются путем подведения их под закон. Схема эта зародилась на основе логического позитивизма, но развернута лишь в постпозитивизме. Ее много и в большой мере справедливо критиковали и в философии и в археологии за узость, ограниченность, упрощенчество и непомерные претензии²². Однако показано, что объяснение через закон действительно остается центральным и определяющим в исторических науках²³, к тому же гипотеза является необходимым этапом любого объяснения, а объяснение — стержнем полного исследования. Так что и эта схема ПАИ, все больше отделяющаяся от своей узкой законообъяснительной основы, оформляет вполне реальный аспект археологических исследований. Поэтому и у нас многие исследования, посвященные проверке какой-либо широкой гипотезы, практически следуют этой схеме если не в изложении, то в выполнении, если не строго, то примерно.

Дискуссионное противопоставление. В некотором отношении проблемно-установочная схема ПАИ может рассматриваться как промежуточная между двумя другими, как переходная: определение проблемы — это еще не выдвижение гипотезы, но оно уже как-то ограничивает изначально сбор и обработку данных, стимулирует внутреннюю критику источников — оценку их познавательных возможностей применительно к поставленной проблеме.

Поэтому основной спор разгорелся между сторонниками двух других концепций ПАИ, а наличие средней просто не замечалось, ее сторонников зачисляли в один из противоположных лагерей. Аргументы сторонников каждого из этих крайних вариантов подробно рассмотрены Дж. Хиллом, выступающим в защиту одного из них — дедуктивистского²⁴.

Что вменяют в вину сторонники дедуктивистской схемы своим противникам? Что индуктивистская процедура построена на ложных предпосылках: 1) будто и впрямь можно прибыть в поле без априорных представлений и собрать всю информацию, содержащуюся в памятниках, — все, что попадаетеся («пылесосный подход», по словам Хилла)²⁵; 2) будто собранные таким путем данные окажутся универсальными и их сможет потом использовать любой исследователь для решения любых задач; 3) будто каждый археологический факт однозначен, будто факты сами за себя говорят и простого их обобщения достаточно для понимания прошлого. Между тем и трактовка фактов зависит от аспекта рассмотрения, и при сборе информации одна программа нередко технически исключает другую (например, слой можно снимать либо горизонтальными срезами, либо вертикальными). Индуктивистская процедура заставляет приспособлять цели к характеру собранных данных, а этот характер предопределен незамеченной, неосознанной подготовленностью исследователя. Собирая вслепую материал, археолог наберет массу деталей, вообще никому не нужных ни сейчас, ни в будущем.

В чем защитники индуктивистской схемы обвиняют своих соперников? Во-первых, в том, что те навязывают материалу какой-то один аспект рассмотрения и игнорируют богатство и многообразие информа-

ции, содержащейся в источниках, что приводит к упущениям в сборе данных; во-вторых, ориентировка на проверку одной-единственной гипотезы психологически собьет исследователя, побудит его изыскивать подтверждения этой гипотезы и не искать опровержений; в-третьих, дедуктивистская процедура особенно не подходит именно археологам, так как памятники обычно преподносят сюрпризы — дают не то, что от них ожидают; в-четвертых, есть экспедиции (спасательные), которые стимулированы не запросами исследователей, а потребностями жизненной практики; в-пятых, археологи обычно не имеют возможности проверять гипотезы экспериментами. Некоторые из этих недостатков Хилл опровергает или смягчает, другие оправдывает неизбежностью.

На деле по крайней мере часть взаимных обвинений справедлива применительно к абсолютизации этих схем ПАИ и показывает ограниченность обеих. Возможны ситуации, в которых индуктивная схема ПАИ оправдана (например, исследование «белых пятен», региональные монографии, обработка материалов спасательных экспедиций). Есть исследования, требующие дедуктивной процедуры (сюжетные исследования, атрибуция находок, полемические работы). Существенно, что большей частью эти обвинения неприменимы к промежуточной, проблемно-установочной схеме ПАИ.

Проблемная установка может быть уподоблена выдвижению гипотезы в начало исследовательского процесса, но не узко определенной, а некой суммарной гипотезы, составленной из всех принципиально возможных, практически необходимых и реалистичных гипотез относительно существа проблемы. Проблема имплицитно содержит в себе такой набор потенциальных гипотез, нечто вроде тех «множественных гипотез» Ллойда Моргана или «теорий в себе» К. Поппера, «которые никогда не были произведены или поняты людьми», но существуют в потенции²⁶. Это как бы матрица гипотез. Естественно, что проблемно-установочная схема ПАИ, хотя и не свободна тоже от ограничений, все же обладает наиболее широкой — из всех трех — приложимостью к исследованиям (тематические монографии и проч.).

Конечно, опытный археолог в силах нацелить экспедицию на то, что бы среди добытых сведений оказалось побольше нужных для проверки заданной гипотезы или, беря шире, для решения намеченной проблемы. Но материал непременно будет богаче и преподнесет сюрпризы. Было бы непростительным догматизмом игнорировать это, ссылаясь на безграничность возможных аспектов наблюдения и на невозможность описать все. Планы научных исследований подобны планам сражений: их тщательно разрабатывают, чтобы оставить, как только начался бой. Но современный бой хоть и далек от регулярных эскерций, все же не беспорядочная драка. На деле в науке всегда относительно каждого потенциального источника материала существует конечный, даже не очень большой набор актуальных проблем. А им соответствует такой же набор программ по сбору сведений. Для многих источников эти проблемы и программы, обусловленные господствующей ведущей теорией, общие. Получается если не универсальный, то достаточно широко применимый пул проблем и программ, тяготеющий к формированию широ-

кой, но стандартной программы, которая бы фиксировала высший на данное время профессиональный уровень методики и могла служить основой для частных модификаций. В уме хорошо подготовленного археолога присутствует один или несколько таких пулов, чем и обеспечивается возможность работы на «чужом» (привлеченном) материале.

Структурное сопоставление. Правомерность применения всех трех видов ПАИ (в соответствующих условиях) и наличие стандартной программы сбора побуждают полагать, что есть общая, инвариантная схема, лежащая в основе всех трех схем ПАИ и содержащая объективный критерий полноты исследовательского процесса (так обобщенная стратиграфическая колонка полнее любой из исходных колонок).

Нетрудно заметить, что коренное структурное различие между рассмотренными генерализациями схем ПАИ лежит в размещении кортежа операций (один или несколько этапов), связанных с выдвижением и развертыванием гипотез.

В индуктивной процедуре он следует за длинной чередой операций по широкому сбору и обработке материалов, так что результаты обработки рассматриваются как предпосылка и объект приложения гипотезы. Независимые факты для последующей проверки должны быть привлечены извне. В проблемно-установочной процедуре кортеж расчленен — вперед вынесена только матрица гипотез. В дедуктивной процедуре он целиком выносится вперед, так что добывание и обработка фактов оказываются узко ориентированными на проверку заданной гипотезы. Но здесь что послужит фактуальной предпосылкой гипотезы, объектом ее приложения? Очевидно, в конечном счете какая-то информация о фактах, уже известных.

Таким образом, во всех случаях налицо один и тот же цикл, состоящий из четырех кортежей операций: а) подготовка исходных фактов, б) обзаведение гипотезой, в) привлечение независимых фактов, г) проверка гипотезы. Какова же разница? В одном случае (индуктивная процедура) за исходные факты принимаются свежие материалы, а за привлекаемые для проверки факты принимаются результаты прежних исследований. В других случаях (проблемно-установочная и дедуктивная процедуры) все наоборот: за исходные факты принимаются результаты прежних исследований, а за привлекаемые — свежий материал. Разница сказывается в характере обработки свежего материала, новых данных: в первом случае их стремятся собирать применительно к любым возможным гипотезам (т. е. полно, всеядно), во втором случае — к определенной матрице гипотез, в третьем — к одной заданной гипотезе (т. е. узко и сугубо избирательно). Естественно, что чем ближе исследование к полевой работе, тем опаснее такая избирательность и тем предпочтительнее сдвиг к противоположной процедуре.

Общая основа и ограничения. Проделанное сопоставление показывает, что в каждом из трех случаев налицо две взаимно независимые группы фактов²⁷. Непременен одна из них свежая. Она подвергается именно в проводимом исследовании обработке, нацеленной на проверку гипотезы, будь то определенная заранее выдвинутая гипотеза или некая суммарная неопределенная гипотеза. Так или иначе, но эти факты долж-

ны быть добыты и обработаны так, чтобы стало возможно сопоставление их с другими системами знания, чтобы стал возможен перевод информации (через гипотезы и их проверку) в другие системы понятий: социально-историческую или этнолого-антропологическую.

Отсюда ясно (первое ограничение), что все три типа процедуры расчитаны только на конкретное, преимущественно эмпирическое, но также интерпретационно-теоретическое исследование. Процедура общетеоретического (методологического) исследования археолога вообще пока обсуждению не подвергалась. К сожалению, никем из упомянутых авторов это ограничение не оговаривалось.

Второе ограничение: будучи идеальной, схема ПАИ имеет в виду полную проработку материала, предельное преобразование извлеченной из него информации, проведение ее через все этапы археологического и исторического (или социологического, культур-антропологического) изучения. А в исследовательской практике вполне допустимы и рациональны также частные исследования, условно замкнутые в рамках одной из этих наук или даже одного или нескольких уровней какой-либо из них. Соответственно такое исследование займет на шкале ПАИ лишь узкий отрезок в один или несколько этапов.

И третье ограничение: все рассмотренные схемы ПАИ имеют в виду работу археолога над свежими первоисточниками — над собранными им самим вещественными материалами, необработанными. Немало исследований, однако, проводится по так называемому «привлеченному», т. е. «чужому», давно отобранному и обработанному музейному материалу, по литературным данным. Процедура такого исследования должна предусматривать регрессивную проверку проделанной другими исследователями части операций.

Наконец, необходимо еще оговорить то обстоятельство, что ПАИ регулирует ход, выполнение исследования, но не обязательно его изложение. В последнее время, однако, заметна тенденция приблизить план изложения к схеме ПАИ или, по крайней мере, представляется возможность уяснить читателю примененную ПАИ, как и другие структурные компоненты исследования.

Эта тенденция проявилась в авторефератах кандидатских диссертаций, где свободный план изложения (в порядке хронологии или обзора компонентов культуры) сменился более близким к традиционному для естествоведения, т. е. стал примерно таким: 1. Задача исследования; 2. Значение вопроса; 3. Методика исследования; 4. Фактологическая база исследования; 5. Его выполнение; 6. Результаты исследования; 7. Структура изложения в диссертации; 8. Публикация результатов²⁸.

Итак, логическим стержнем и гносеологической основой полного конкретно-археологического исследования оказывается процесс преобразования информации, ведущей от фактического материала (непосредственных объектов археологии) к его истолкованию в понятиях истории, социологии, культур-антропологии и т. п. Вот тот единый сюжет, который лежит в основе всех трех фабул: индуктивной, проблемно-установочной и дедуктивной. Выбор определяется характером исследования, а абсолютизация какой-то — философской позицией археолога.

Но чем обусловлена и как связана с философией науки структура самого сюжета — общее количество этапов, их качественный состав и последовательность? Можно показать, что эти характеристики обусловлены пониманием природы археологического факта, его гносеологической сложности, глубины, многоступенчатости²⁹. Инвариантная основа ПАИ произвольна. Теория археологии, опирающаяся на марксистско-ленинскую гносеологию, в силах обосновать ее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ D. L. Clarke. *Analytical archaeology*. L., 1968, p. 34—35, fig. 2; I. Rouse. *Introduction to prehistory*. N. Y., 1972, p. VII—X, 27—28, 62—64, fig. 6; B. K. Swartz. A logical sequence of archaeological objectives.— *American Antiquity*, 1967, vol. 32, no. 4, p. 487—497; J. M. Fritz and F. T. Plog. The nature of archaeological explanation.— *American Antiquity*, 1970, vol. 35, p. 409—411; В. С. Бочкарев. К вопросу о структуре археологического исследования.— В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, с. 56—60.

² Я. А. Шер. Интуиция и логика в археологическом исследовании.— В сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 9—23, рис. 1.

³ В. С. Бочкарев. К вопросу о структуре..., с. 59.

⁴ S. Muller. *Nordische Altertumskunde*, Bd. 11. Strassburg, 1898, S. 292—307.

⁵ Там же, S. 298—299.

⁶ K. G. Jacob-Friesen. *Grundlagen der Urgeschichtsforschung*. Hannover, 1928, S. 98—152; J. G. Clark. *Archaeology and society*, 2-d ed. Cambridge Mass., 1957, p. 9—10, 18—20, 169—170, 174; E. Mac White. On the interpretation of archaeological evidence in historical and sociological.— *American Anthropologist*, 1956, vol. 58, p. 3—7, pl. 1; D. L. Clarke. *Analytical...*; Я. А. Шер. Интуиция...; R. C. Chouaqui. *Langages formels et reconnaissance des formes*.— *Les methodes mathematiques de l'archeologie*. P., 1972, p. 212—228; I. Rouse. *Introduction...*

⁷ Д. С. Милль. Система логики силлогической и индуктивной. М., 1914.

⁸ И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер. Анализ археологических источников. М., 1975, с. 10, 12.

⁹ W. W. Taylor. *A study of archaeology*. Menasha, 1948, p. 152—202, pl. 4.

¹⁰ B. K. Swartz. A logical sequence...

¹¹ J. N. Hill. *Broken K. Pueblo: patterns of form and function*. New perspectives in archaeology, ed. by S. K. and L. R. Binford. Chicago, 1968, p. 103—142.

¹² Программа курса (составитель Л. С. Клейн) утверждена к преподаванию в Ленинградском университете в двух редакциях. Здесь излагается по второй.

¹³ L. R. Binford. A consideration of archaeological research design.— *American Antiquity*, 1964, vol. 29, p. 425—441.

¹⁴ J. Dewey. *Logic the theory of inquire*. N. Y., 1955, p. 104—105.

¹⁵ L. R. Binford. An archaeological perspective. N. Y.—L., 1972, p. 47—48; 92—93; 114—121; 245—260.

¹⁶ J. M. Fritz and F. T. Plog. The nature...

¹⁷ P. J. Watson, S. A. Le Blanc and Ch. L. Redman. *Explanation in archaeology*. N. Y.—L., 1971, p. 114—152.

¹⁸ Там же, p. 114.

¹⁹ Там же, p. 157.

²⁰ Там же, p. 14.

²¹ K. Popper. *Logic der Forschung*. Wien, 1935, S. 26—27; C. C. Hempel. The function of General Laws in history.— *Journal of Philosophy*, 1942, vol. 39, p. 35—48; E. Nagel. *The structure of science*. N. Y., 1965.

²² W. Dray. *Laws and explanation in history*. Oxford, 1957; E. D. Tuggle, A. H. Townsend, Th. J. Riley. *Laws, systems and research design: a discussion of explanation in archaeology*.— *American Antiquity*, 1972, vol. 37, p. 3—12; Ch. G. Morgan. *Archaeology and explanation*.— *World Archaeology*, 1973, vol. 4, no. 3, p. 259—276.

²³ И. С. Кон. К спорам о логике исторического объяснения.— В сб.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 263—295.

²⁴ J. N. Hill. The methodological debate in contemporary archaeology: a model.— In: Models in archaeology, ed. by D. L. Clarke. L., 1972, p. 61—107.

²⁵ Там же, p. 67.

²⁶ K. Popper. Conjectures and refutations, vol. 2. L., 1963, p. 237.

²⁷ S. A. Le Blanc. Two points of logic concerning data, hypotheses, general laws and systems.— In: Research and theory in current archaeology, ed. by Ch. L. Redman. N. Y., 1973, p. 199—214.

²⁸ Л. С. Клейн. Происхождение донецкой катакомбной культуры. Автореф. канд. дис. Л., 1968; В. А. Сафронов. Хронология памятников II тыс. до н. э. юга Восточной Европы. Автореф. канд. дис. М., 1970.

²⁹ S. G. H. Daniels. Research design models.— In: Models in archaeology, ed. by D. L. Clarke. L., 1972. Л. С. Клейн. К разработке процедуры археологического исследования.— В кн.: Предмет и процедура исследования в археологии. Тезисы. Л., 1975.